

ПСИХОАНАЛИЗ И КУЛЬТУРА

Психоанализ моды

В. В. Бурмистров

Бурмистров Виктор Витальевич – психолог (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный консультант.

Все находятся под влиянием моды, ведь она как явление – оплот коллективного бессознательного и появляется в недрах наших собственных психик, а через творчество и работу отдельных людей находит свое воплощение в бесконечных образах, которые они производят на свет в виде нескончаемой одежды, причесок, макияжа.

Эти образы, рождаемые модой, можно анализировать в следующих измерениях: одно измерение, словно ось Y, уводит нас вглубь, рассыпаясь от целого образа к его частным деталям, показывая нам буквально атомы знаков и символов, которые составляют модное высказывание образа; другое, подобно оси X, ведет это знаковое множество по горизонтали, как и любая речь по цепи слов, создавая новые смыслы из складывающихся вместе высказываний, сотканных из атомов знаков и символов, добытых из предыдущего измерения. На стыке этих двух измерений и рождается язык моды, язык образа, говорящий Я-образ.

В данной статье подробно показано, какие функции выполняет мода для психики человека, как через образ и моду может контейнироваться тревога, как мода выполняет для взрослого функцию переходного объекта, как мода скрывает и проявляет психическое.

Ключевые слова: мода, психология моды, Я-образ, переходное пространство, переходный объект, контейнирование, индивидуация, интерсенсорность, либидиозная перестройка, конструкция, деконструкция.

Винникотт ввел ряд концепций в область психоанализа во второй половине XX века. Его концепции «удерживающей среды», «достаточно хорошего» родителя и игры быстро завоевали популярность в широкой области психологии и впоследствии использовались в качестве аналитических инструментов в ряде дисциплин и контекстов. Опираясь на концепцию Винникотта о «переходном объекте», можно начать анализ привычного использования одежды.

Переходный объект в его первоначальном контексте – это объект, который обеспечивает мост между возникающей субъективностью младенца и внешним миром. Переходный объект постепенно помогает ребенку совершить переход от нарциссизма к объектной любви – оценке других как полноценных личностей, отдельных от себя. Переходный объект не только помогает ребенку приступить к процессу самоидентификации и самореализации, но также предлагает место комфорта и стабильности; чувство преемственности и знакомости в моменты, когда мир кажется незнакомым, опасным и сложным. Важно отметить, что (первый) переходный объект – объект нашего раннего детства – подвергается постепенному деконструированию. В течение лет он становится не столько забытым, сколько отброшенным в подвешенное состояние. Под этим подразумевается, что в здоровом состоянии переходный объект не «уходит внутрь» и чувство по поводу него не обязательно подвергается вытеснению. Не забывается и не оплакивается. Оно теряет смысл, и это потому, что переходные явления расплываются, растекаются по всей промежуточной территории между «внутренней психической реальностью» и «внешним миром, как его воспринимают совместно два человека» (Винникотт, 2015).

Предметы моды выполняют челночное движение между нашим внутренним миром и внешним миром, одновременно символизируя как всемогущество, которое мы испытываем в нашей психике, так и нашу неспособность примирить такое всемогущество с нашей реальной реальностью. Они облегчают обмен между субъектом и опосредованной средой. Наконец – и, возможно, это наиболее важно для этой работы, – они обеспечивают форму побега. Будучи постоянно с нами, вещи также дают возможность погрузиться в «мечтательное» состояние, на которое ссылается в своих трудах Винникотт. Фокусируясь на предметах своего гардероба, мы на мгновение перестаем быть в том месте, где находимся физически, и попадаем в другое (более комфортное) пространство.

Именно по этим причинам предметы моды, в частности одежда и прочая атрибутика, представлены как форма переходного объекта; объект, который одновременно и «не я», и действует как «часть меня», и является посредником между этими двумя пространствами. Одежда открывает пространство между Я и Другим, которое в теории Винникотта рассматривается как потенциальное пространство творческого взаимодействия.

Эхо нашего более раннего переходного объекта (объектов) живет в наших отношениях с модной индустрией. Возможно, сходство каких-то вещей с этими более ранними объектами (распространенность, безопасность, иллюзия, разочарование, право собственности) помогает поддерживать формирование этой конкретной привязанности. Инвестиции,

которые мы с готовностью делаем в предметы модного гардероба, с которыми мы взаимодействуем, – это не симптом патологии (мы не заблуждаемся и не больны), а скорее еще один пример желания «заполнить пробелы» – желания установить отношения с этими неодушевленными предметами.

Эти «отношения» – не что иное, как вложение энергии в наши вещи; они обретают способность «удерживать нас», «познавать нас» и быть рядом с нами, – точно так же и мы вкладывали энергию в ныне забытые детские объекты. Возможно, именно поэтому мы так расстраиваемся и взволнованны, когда наши вещи изнашиваются, портятся, их крадут или они иным образом «бросают» нас.

Остается вопрос: почему мы формируем такие привязанности к нашим предметам гардероба? Почему мы стремимся, так сказать, «заполнить пробелы»? Эти вопросы требуют признания материальной реальности, в которой сформировались такие отношения, и заставляют нас задаться вопросом, как мы можем масштабировать индивидуальные отношения до общего уровня общества. Если, как утверждает Дюркгейм, «личность – это социализированный индивид», то для того, чтобы полностью осмыслить наше отношение к моде, мы должны одновременно понять роль, которую социальное играет в развитии этого отношения (Дюркгейм, 2021).

Время здесь является ключевым фактором. Временное измерение вопроса является ключевым: почему мы формируем эти отношения именно сейчас? В винникоттовской системе объектных отношений за власть соревнуются два типа времени: время ребенка и время внешнего мира. Основная функция раннего психологического и физического сдерживания матери включает в себя ее изоляцию младенца в его состоянии продолжающегося бытия от безжалостной, неизменной инаковости времени. Когда говорится об инобытии времени, то имеется в виду переживание младенцем «рукотворного времени».

Время вторгается в совершенный мир младенчества. Это время заставляет ребенка расти, и это время уводит родителей заниматься другими делами, ходить на работу, заботиться о других. Время организует жизнь ребенка, придавая ей структуру, смысл и сроки. Переходные объекты поддерживают этот травматический переход в «социализированное» время. Точно так же, как они создают мост между недифференцированной «целостностью» и различием, созданным идентичностью, они пересекают эти различные переживания времени, через которые мы проходим в наших ранних жизнях.

Это не означает, что наше понимание времени закрепляется позже в жизни или даже в социальной жизни. Темпоральность коренится в социальном, субъективно и коллективно переживается, под впечатлением формируется и реформируется в соответствии с контекстом, обстоятельствами и идеологической позицией. По мере того как меняются идеологии, обстоятельства и контексты, меняется и наше понимание времени.

Здесь можно говорить о «пространстве потоков» как о средстве характеристики структуры глобальной информационной экономики. В этой культуре гибкости работа становится все более ненадежной, поскольку

долгосрочная карьера заменяется контрактами с нулевым рабочим днем. Работу можно включать и выключать в соответствии с требованиями рынка, который может действовать за тысячи миль, но который может воздействовать на нас со скоростью сообщения электронной почты. Отличительная черта этой глобальной экономики – аутсорсинг рабочей силы – подрывает старые отношения между работодателем и работником, между трудом и капиталом, между различными представлениями о времени и между человеком и его работой.

Эта ненадежность все чаще оформляется как индивидуальная проблема, требующая индивидуального решения. Неолиберальный проект, сопровождавший глобальную цифровую революцию, требует от работника постоянного «обновления» и участия в процессе самосовершенствования. Действительно, если в системе и есть какая-то свобода, то это свобода стать «лучше». И вот мода приглашает нас быть «агентами» нашего собственного успеха. Мы бросаем себе вызов стать «лучше», под чем мы подразумеваем более продуктивные действия. Мы делаем все возможное, чтобы соответствовать этой новой экономической реальности. Мы меньше спим и дольше работаем, мы связаны различными способами через переходное пространство. Когда мы слишком долго сидим на месте, тот «другой» требует, чтобы мы продолжали двигаться. Мы путешествуем по миру для встреч в мгновение ока. Мы делаем все возможное, чтобы стать цельными, гибкими и гибкими, как экономика, которую мы обслуживаем (Meyer, 2014).

Мода вписывается в эту экономику, побуждая себя «обновлять себя» с помощью «быстрых» приложений для заказа вещей онлайн, с помощью невероятных торговых галерей, которые еще в прошлом веке превосходно описал Жан Бодрийяр. Торговые галереи и бутики XX века еще больше напоминают нам о том, что нужно постоянно что-то делать, постоянно думать, планировать и заниматься шопингом и самообновлением – быть в моде. Действительно, на поверхностном уровне они стали хозяевами нашего времени, нашими переходными пространствами, в которые мы с удовольствием сбегает от реальности. Эта форма переходного пространства также соответствует современному экономическому ландшафту, в котором мы находимся, и перекликается с теми наблюдениями, с которых началась эта глава (Бодрийяр, 2020).

Мода стала новой субреальностью, куда так легко благодаря современным технологиям сбежать от «суровой» реальности. Переходное пространство, порождающее переходные объекты, в которых взрослые нуждаются порой чаще, чем дети. Тот самый уголок одеяла с торчащей ниточкой из шва, который так успокаивал в детстве, трансформируется в кашемир Logo Piana, такой нежный и заботливый, который обволакивает тебя, словно материнские объятия, ты еще не успел его купить, только примерил, и уже тревоги дня отступают. Вот так примерно ежедневно мода работает с нами. Конечно, это не всегда про успокоение, и иные функции моды будут рассмотрены далее, но нельзя недооценивать то, что мода создает для нас ту возможность, пускай и суррогатную, что давали нам в детстве наши переходные объекты, – успокоение, хоть и временное.

Возможно, в основе такого поведения – поворота к моде – лежит чувство неуверенности. Короче говоря, время отмечает моменты, когда мы становимся неуверенными – в том, что делать дальше, в том, как занять свое время, в том, как «быть» в определенном пространстве, возможно, даже наших жизненных траекториях.

Это последнее утверждение звучит преувеличенно, но оно имеет сильное интеллектуальное происхождение. Неопределенность современной жизни, вызванная неолиберальной средой, описанной выше, можно назвать формой «онтологической незащищенности», определить как «экзистенциальную тревогу», которая усиливается реальностью углубления социальной и материальной нестабильности. Между тем предполагается, что моменты отвлечения, которые характеризуют промежуточное время, являются во многих смыслах отвлечением от неопределенности, неуверенности, которую незапланированная траектория нашей поздней современности порождает в своем фетише скорости (Барт, 2021).

Предположим, что если предметы моды работают как переходный объект в рамках экономики отвлечения внимания, они делают это, отвлекая нас от увеличивающегося темпа нашей сегодняшней жизни и обеспечивая место комфорта и уверенности. Парадоксально, но мода, которая поддерживает «фетиш скорости» позднего капитализма, также обеспечивает механизм побега от него (каким бы иллюзорным этот побег ни был). Этот парадокс перекликается с психической формой наших более ранних переходных объектов, которые также служат двойной цели, переключаясь между иллюзорным миром внутреннего «я» и реальностью внешнего мира. Чтобы вернуться к Винникотту еще раз, здесь предполагается, что задача принятия реальности никогда не завершается, что ни один человек не свободен от напряжения соотнесения внутренней и внешней реальности и что освобождение от этого напряжения обеспечивается промежуточной областью опыта, которая не подвергается сомнению.

Предметы моды представляют собой современный пример этого «облегчения», а также обеспечивают еще одну точку напряжения между внутренним «я» и внешней реальностью. Они являются и решением, и частью проблемы.

Выходя за рамки тезиса об отвлечении, мы активно ищем отвлечение именно в те моменты, когда мы достигаем разрывов или перерывов в «потоке» времени, – это онтология «интерстициального времени», когда кажется, что нервирующая скорость нашей жизни вот-вот откроется нам. Именно в такие моменты мы обращаемся к нашим модным утешителям – нашим кашемировым одеялам безопасности – и делаем все возможное, чтобы раствориться в своих образах. Таким образом, «мастерство удара» моды заключается в том, что наше взрослое «я» пытается на мгновение вернуть себе контроль над системой, которую мы едва понимаем; системой, в которой многие из нас чувствуют себя беспомощными, несмотря на то что нам говорят, что мы хозяева своей судьбы. При этом мы перемещаемся в пространство творческой «игры», где мы можем игнорировать безжалостное давление «искусственного времени» и вовлекаться в иллюзию с помощью создаваемых себе образов. Эта иллюзия,

конечно же, заключается в том, что мы контролируем свою жизнь и свои траектории.

Такая игра и иллюзия перекликаются с нашими первыми переходными объектами, которые, как упоминалось ранее, служат двойной цели: связывают нас с «реальным» внешним миром и обеспечивают убежище от этого мира во времена стресса и беспокойства. Во времена страха и неуверенности ребенок будет тянуться к своему плюшевому мишке или одеялу, чтобы убедить себя в иллюзии, что он все контролирует. Мода представляет собой похожую попытку достичь этого мастерства.

Мода предлагает нам место комфорта и уверенности в моменты неуверенности и «промежуточного состояния» в этих точках разрыва. Наш модный образ обеспечивает панцирь и место уверенности. Мы отворачиваемся от реальности внешнего мира и обращаемся к реальности нашего внутреннего психического мира. Мода охватывает эти два мира. Это перекликается с другими, более ранними объектами (ныне забытыми), которые помогли нам научиться перемещаться между такими мирами. Это то, что привлекает нас в мир, и то, что дает убежище от него. Таким образом, наши вещи являются нашими переходными объектами. Они продукты нашего окружения, и это метод, с помощью которого мы справляемся с этим окружением.

Обращаясь к работе еще одного выдающегося психоаналитика, Дидье Анзье, можно продолжить мысли о функциях моды и конкретно Я-образа, создаваемого ей. Для Анзье телесное Эго всегда является вопросом кожного Эго, определяемого как ментальный образ, который Эго ребенка использует на ранних фазах своего развития, чтобы представлять себя как Эго, имеющее психическое содержание, основанное на своем опыте поверхности тела. Я-кожа достигается через ранние взаимодействия диады «мать – ребенок». Хотя новорожденный имеет зачаточное представление о том, где заканчивается его собственное тело и начинается тело другого, на ранних стадиях он/она испытывает фантазию об общей коже. По мере роста ребенка у него развивается ощущение собственного телесного пространства, что позволяет младенцу осознать себя как трехмерный контейнер, имеющий внутреннее и внешнее. С этим пониманием постепенно возникает чувство сдерживания и, как следствие, индивидуальности.

Кожное Эго моделируется не только опытом тактильного органа чувств, но и опытом слуховых, обонятельных, вкусовых и зрительных органов чувств. Эти органы и связанные с ними переживания порождают то, что Анзье назвал «психическими оболочками». Психические оболочки – это сенсорные переживания, перенесенные из соматического в психическое измерение; после транспонирования они структурированы и функционируют как оболочки или оболочки психики. Психические оболочки подобны коже лукавицы, состоящей из взаимосвязанных слоев, и образуют кожу психики (Анзье, 2011).

Как идея психической оболочки может быть связана с модой? Мода состоит в основном из воображаемой реальности, состоящей из оболочек (одежды), таких как психическая кожа. Психические оболочки отвечают за создание измерений внутреннего и внешнего, позволяя создавать

область, которая, как оболочка, удержит, давая ограничения и границы для человека и внешней реальности. Психические оболочки открываются и закрываются, обеспечивая обмен между внутренним и внешним, индивидуумом и миром. Его внутреннее лицо содержит проекции первичных тревог, фантазий, а также тематических подсистем (Эго, Ид, Суперэго) социума. Внешняя сторона модной оболочки действует как барьер против угроз из внешнего мира и других групп, работая как фильтр для человека.

Концепция одежды и внешности как психических оболочек является важным союзником при размышлениях о границах и барьерах личности. Развивая концепцию Анзье, можно допустить, что психическая оболочка позволяет нам понимать и сравнивать людей как эгоподобное, двустороннее зеркало, чувствительное к бессознательным индивидуальным фантазиям внутри и к коллективным представительствам извне. В этом смысле трехмерность, обеспечиваемая психической оболочкой в виде внешнего образа, позволяет замыкаться внутри, но в то же модулирует контакт с внешним миром. Это позволяет нам связать динамику внешнего образа как психической оболочки со взаимозависимостью и многомерностью личностных, динамических и фундаментальных матриц.

Рассматривая внешность как проекцию Я, как индивидуальный рисунок личности, хочется вспомнить слова Анзье, где он говорит о том, что пациент страдает в первую очередь от отсутствия границ, слабости психической оболочки. Это касается неуверенности во фронтах между Я психическим и Я телесным, между Я идеальным и Я реальным, тем, что зависит от другого, и тем, что касается самого субъекта.

Внезапные движения по фронтам сопровождаются уходом в депрессию, невозможностью различать приятные и болезненные переживания, сложностью переживания собственного желания в связи с тем, что влечение не может быть распознано, или оттого, что подъем влечения переживается как насилие, а не как желание. Подобная слабость психической оболочки связана с опытом становления Я-кожи, целостность которой создает одновременно возможность упорядочить содержимое и провести границу между внутренним и внешним (*Кернберг, 2017; Анзье, 2011*).

Развивая эти мысли, хочется представить одежду и образ, который благодаря моде мы создаем себе, как вторую кожу. И тогда одежда – не только граница, но и контейнер содержащихся в Я переживаний, выполняющий ряд функций, обеспечивающих этому Я целостность.

Внешность в виде кожных покровов и всего того, чем мы соприкасаемся с внешним миром, так же как и одежда, контейнирует, проявляет, скрывает наше психическое.

Мы слепо или осознанно следуем моде, наделяем свою внешность и, в частности, одежду определенными смыслами, редко, но все же считаем, что не следуем моде, что вне моды, хотя и этот выбор предполагает, что мода уже оказала на человека свое влияние. Можно представить, что через создаваемые модой образы люди могут передавать смыслы, созданные психическим аппаратом. Иногда внешность может сказать о человеке больше, чем слова, как некий сублимат психического мира внешний

облик является метафорой, размышляя о которой можно исследовать психический мир человека (*Мелитинский, 2018*).

Если перефразировать Уилфреда Биона, то одежда – это функция личности. Одежда превращает природное сырье (альфа-, бета-элементы) в продукт психики – концепцию. Через одежду могут быть связаны элементы психики, одежда может быть внешним каркасом для слабого психического аппарата, именно так часто поступают нарциссы, формируя свою Я-концепцию через внешний образ, когда работа по алфавитизации и концептуализация внутриспсихического в силу каких-либо травм не представляются возможными. Одежда спасает, одежда несет свою функцию второй кожи (*Бион, 2019*).

Далее будут рассмотрены основные функции моды в контексте работы психического аппарата.

Функция поддержки – то, что Винникотт называл holding. Буквально то, как мать поддерживает тело младенца. Психическая функция развивается через то, насколько хорошо данный образ был интериоризирован. С учетом распространенной нарциссической проблематики у клиентов, наблюдаемой в последние годы, из-за невыстроенности данной поддерживающей функции внутри психического аппарата такую функцию может забирать на себя внешний образ. Часто это проявляется в невозможности инвестировать в свое Я, и тогда одежда становится альтернативной материальной формой инвестирования, укрепления и поддержания психического аппарата в достаточно функциональном виде, чтобы психика не регрессировала в психотическое состояние. Данная функция требует постоянного инвестирования в модную одежду, чем дороже одежда, тем лучше, так как это помогает создать фантазии о всемогуществе личности и через одежду и образ скрыть хрупкое недоинвестирование Я. Недостаток поддерживающего объекта, который позволит найти психике свой центр тяжести, должен быть компенсирован внешним центром тяжести. Чем менее развита функция поддержки психики, тем больше такая личность будет тяготеть к надежному внешнему контейнеру.

Контейнирование – одежда, покрывающая практически полностью тело, в котором размещены все органы чувств, выполняет также функцию контейнера. В данном случае внешний образ представляет собой надежный сейф, стабильный и надежный, служащий складированию и ощущений, и аффектов взрослого. Это очень похоже на тот контейнер, через который у ребенка происходит развитие репрезентаций через материнское реверси, проективную идентификацию и действие материнской альфа-функции. В случае слабой развитости данной функции у ребенка во взрослом возрасте эту функцию может взять на себя внешний образ. Образ в данном случае окружает весь психический аппарат и служит контейнером для локализации и дифференциации различных влечений из Оно. К примеру, страх возбуждения влечений без контейнирования может перерасти в поиск физической боли или фобии. В случае дырявого психического контейнера связь внешнего образа и психических импульсов будет давать ощущение самости, которое невозможно получить без правильно подобранного внешнего образа. Отсутствие комплементарной

состоянию психики одежды не позволит контейнировать внутриспсихические импульсы, так как плохо подобранный образ будет зеркалом «дырявой» психики. В противовес этому образ, опирающийся на моду как на что-то грандиозное, уже одобренное и принятое в социуме, будет создавать внешний контейнирующий эффект. Да, этот эффект подобен таблетке от головной боли, которая не устраняет проблему, а лишь убирает симптом, но если функция контейнирования не выстроена как внутриспсихическая, то почему бы в качестве временного «костыля» не использовать внешний контейнер из одежды или крепкого спортивного тела, что, между прочим, тоже часть моды.

Защита от раздражителей – одежда защищает наше тело от физических агрессий, избытка стимулирующих внешних импульсов. Это виртуальная психическая оболочка, актуализирующаяся в ходе взаимодействия человека с внешней средой. И из этой функции выводится понятие «модное тело» – которое представляет из себя помимо внешней атрибутики, которую мы носим, само тело как модный объект, тело, которое, подобно одежде, благодаря современной медицине изменяется, режется, пилится, увеличивается, уменьшается, трансформируется порой быстрее, чем меняются модные тренды в одежде.

Изрядно накачанные мужские, да и женские, тела, с одной стороны, должны стать объектом вожделения и возбуждения, но будто бы становятся для их обладателей объектом самовожделения и самовозбуждения. Либи́до, которое не могло развиваться в психическом «теле» и быть направлено вовне для инвестирования в других, в карьеру, сексуальные удовольствия, начинает вязнуть еще больше в модном теле и по сути остается внутри человека. Подобные люди часто становятся сами для себя объектами своей любви, эта любовь циркулирует внутри модного тела, подогревая снаружи ощущение стабильности и защиты. При этом Я такого человека часто – как оголенный нерв, остается беззащитным и слабым. Тогда тело должно увеличиваться в объемах все больше и больше, чтоб создавать на телесном уровне ощущение всемогущества и силы. Поддержание нарочито большого и крепкого тела, как и любой контроль, требует огромного количества энергетических затрат. Психика такого человека, как правило, будет истощаться тем больше, чем больший фокус будет на телесном. Подобно наркотикам, нужно будет все больше и больше инвестировать телесное, чтобы защитить и поддержать психическое. Рассматривая женскую тягу к объемам, будто амортизаторам для хрупкого внутриспсихического устройства, можно заметить также негармоничные объемы – грудь, бедра, губы, когда связанная психическая женственность, выраженная часто во фригидности и асексуальности, реконструируется через тело, его формы и объемы. Такая женщина не становится сексуальнее или женственнее, скорее наоборот – упаковав себя в спасательный жилет из силикона и филлеров, она все равно тонет в неуверенности, неспособности любить и быть любимой.

В целом подобная реконструкция внешности для защиты от внешнего мира или от собственных невыносимых конфликтов может быть причислена к дисморфофобии. У истоков данного заболевания лежит конфликт

субъекта и его Я, выражающийся в нарушении образа тела, формируемого у человека в диапазоне от полугода до полутора лет. Травматичные отношения со своим Я говорят о нарушении фундаментальных отношений с внешним миром и требуют многих лет психотерапевтической работы.

Индивидуация – это про различия, часто нарциссически и социально перегруженные. Внешность через индивидуацию дает возможность людям утверждаться в качестве субъекта, со своим уникальным внешним образом, возможность дифференцироваться либо, наоборот, примкнуть к той или иной социальной группе и через это в том числе проявить свою самость. Самость, которая дает Я ощущение бытия в качестве уникальной личности. Описанный Фрейдом страх «жуткого» связан с угрозой, нацеленной на индивидуальность самости путем ослабления чувства фронтиров самости. Мода дает это ощущение самости для Я, чем слабее структура самого Я, тем сильнее влияние моды на человека, тем сильнее его желание проявиться через внешность, отделиться от толпы или примкнуть к какой-то сильной группе, идентифицироваться с ней через свой внешний образ (Фрейд, 2020).

Интерсенсорность – одежда – словно нервная ткань, амортизатор на границе собственного и внешнего физических миров, которая связывает различные ощущения, выводя их в форме внешности на первый план, которым является наша тактильная оболочка. Эта функция конструирует чувства, проявляющиеся при осязании. Когда эта функция Я провалена, появляется бессознательный страх распада тела. Я-одежда в данном случае играет важнейшую роль для перехода от тактильного пространства (кожа) к интерсенсорному, ведущему к символизации. В психической реальности появляется воображаемая репрезентация своего образа в виде полотна как поверхности, на которой разворачивается действие сенсорных взаимосвязей. Одежда становится сценой для разыгрывания сюжетов из внутриспсихического мира.

Оплот сексуального возбуждения – ношение одежды сопровождается контактами с кожей, это предполагает некое кожное удовольствие как привычное фоновое полотно сексуальных удовольствий. Сексуальные удовольствия локализуются в определенных зонах ношения одежды, где слой эпидермы тонок и где прямой контакт со слизистой ведет к перевозбуждению. Я-одежда реализует роль оплота сексуального возбуждения. Я-одежда проецирует на свою поверхность либидинозную нагрузку и сама становится объектом глобального сексуального возбуждения. Это можно сравнить на практике с тем, когда мужчина возбуждается от образа увиденной им в толпе женщины, он же не видит ее обнаженной, нет, ее образ как совокупность либидинозно заряженных элементов, в том числе и одежды, становится оплотом его желания и возбуждения. Его возбудила не сама женщина как физическое существо, его возбудил Я-образ, который нес определенные смыслы и заряд. Не зря проститутки выглядят нарочито ярко, так как на их поверхности сосредоточен сильный либидинозный заряд, и внешний образ рассказывает потенциальному клиенту о том, насколько этот заряд силен, хоть и ценой изъятия либидо из внутриспсихического пространства во внешнее.

Либинозная перезарядка. Одежда, вещи, которые мы носим, стимулируют кожу как поверхность с постоянным сенсорно-моторным тоном. Так через внешнее возбуждение реализуется функция либинозной перезарядки внутриспсихического функционирования – таким образом внутреннее либинозное напряжение поддерживается и перераспределяется по психическим подсистемам. Повреждение этого функционирования ведет к двум типам страхов: страху взрыва психического аппарата из-за сверхзаряда возбуждения и страху нирваны, то есть что желание свести напряжение к нулю исполнится. Тогда одежда должна выбираться таким образом, чтобы не перевозбудить сверхзаряженную психику в случае аффективного поведения. Для перезарядки такого психического аппарата нужны деликатные ткани и цвета, чтобы сбалансировать и забрать на себя внутренний заряд. В обратном случае, где либидо снижено и заряд низкий, хочется будто разбудить человека, и тогда более контрастные цвета и грубые ткани приходят на помощь, чтобы от трения «одежда – кожа» произошел заряд, который с поверхности кожи переместится в Я психическое и оживит его.

Записывание следов – информацию о внешнем мире через тактильное восприятие мы получаем через кожу, которая передает нам тепло и холод, боль, прикосновения и т. п. Одежда, словно вторая кожа, выполняет функцию записывания сенсорно-тактильных следов, функцию пиктограммы, функцию щита Персея, отражающего образ реальности подобно зеркалу. Данная функция Я-одежды развивается с помощью смеси физиологического и социального. Рисунок реальности отпечатывается на внешности через принадлежность индивида к какой-либо социальной группе, отмечается особыми цветами, надрезами, принтами, татуировками, макияжем, прическами. Я-образ – это исходный пергамент, хранящий перечеркнутые, подчищенные, перегруженные черновики «исходного» вербального документа. Страх, относящийся к этой функции, заключается в том, чтобы не иметь на поверхности Я-образа позорных и нестираемых записей, исходящих от Сверх-Я, таких как краснота, акне, экзема, раны, морщины и т. п. И мода провоцирует человека на удаление этих следов жизни через образ идеального тела, который в итоге приводит порядка 3% людей к дисморфофобии и невозможности принять неидеальность тела. Получается, что функция записывания следов страшна и практически смертельна для травмированной психики, невозможность связать реальность и образ приводит к бесконечным страданиям Я, которое атакуется идеалом Сверх-Я за свое несовершенство, отражаемое в бесконечных зеркалах, как реальных так и метафорических. Не находится ли здесь Я-образ под негативным влиянием танатоса, нацеленного на самодеструкцию образа и Я (*Damasio, 2018*)?

Конструкция и деконструкция – подобно музыканту, который интересуется выявлением звуковых различий, которые коррелируют с различиями в значениях, психоаналитик, изучающий моду и рождаемые ей образы, конденсирует те признаки, которые значимы в конкретном контексте. Какие-то из наблюдаемых признаков, важных для носителя предметов одежды, могут не иметь никакого психоаналитического значения: длина

платья в каком-нибудь контексте может быть значимой, тогда как ткань, из которой оно сшито, – нет, или же означающим может быть комбинация различных цветов или тонов, в то время как связь между двумя тонами одного спектра может не нести никакого значения. Определяя признаки, превращающие предметы одежды в знаки, психоаналитик будет пытаться выявить систему неявных договоренностей Я-внешности, конфликтов и защит, влияющих на внешность. В идеале структурный анализ должен вести к созданию методологии «грамматики» рассматриваемого явления – системы правил, задающих возможные комбинации и конфигурации и демонстрирующих отношение ненаблюдаемого к наблюдаемому (Cârstea, 2022).

С точки зрения конструкции и деконструкции в методологии постструктурализма можно говорить о том, что для правильного и адекватного понимания любого высказывания оно должно быть приведено к тому контексту, откуда оно было взято изначально, где оно зародилось, проанализировано применительно к той среде, где оно возникло и сложилось, а также в связи с другими высказываниями, наряду с которыми оно было совершено, и должен быть уточнен его полемический смысл и цель.

Психология эпохи постмодернизма расширяет свои границы в значительной мере за счет лингвистики, заимствуя у поэзии метафору и обращаясь с образом как со словом. Таким образом, «заигрывая» с поэзией, иными словами, переводя внешность на ее язык, мы получаем новое прочтение внешнего образа и его элементов, не вполне отвечающее научным канонам, зато открывающее для нас абсолютно новые грани прочтения и интерпретации разворачивающихся градуальных схем новых значений. Таким образом, одежда и внешность, приобретая свойства художественного, оказываются на границе привычного восприятия эстетического и психологического.

Мы оказываемся в двоякой ситуации прочтения и интерпретации образа как логически обоснованного, а также в ситуации смены систем символов означаемого – означающего и их смысловой рекурсии в рамках продолжающейся визуально-вербальной игры (Выготский, 2017).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анзье Д. Я-кожа. Ижевск: Ergo, 2011.
2. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Академический проект, 2019.
3. Бион У. Р. Элементы психоанализа / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2019.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: АСТ, 2020.
5. Винникотт Д. Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. 208 с.
6. Выготский Л. Психология искусства / Л. Выготский; [вступит. ст. А. В. Маркова]. М.: РИПОЛ классик, 2017.
7. Дюркгейм Э. Моральное воспитание / Пер. с фр., вступ. ст., примеч. А. Б. Гофмана. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.

8. Кернберг О. Ф. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии. М.: Независимая фирма «Класс», 2017.
9. Мелитинский Е. Поэтика мифа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018.
10. Фрейд З. Тотем и табу: психология первобытной культуры и религии. М.: Эксмо, 2020.
11. Cârstea D. (2022) From structuralist to poststructuralist psychoanalysis. Conference paper, Apr.
12. Damasio A. (2018) The Strange Order of Things. New York, NY: Pantheon.
13. Meyer E. (2014) The cultural map: decoding how people think, lead, and get things done across cultures. PublicAffairs, New York.

Psychoanalysis of fashion

V. V. Burmistrov

Burmistrov Viktor V., psychologist (NRU HSE), psychoanalytic counsellor.

Everyone is influenced by fashion, because, as a phenomenon, it is a stronghold of the collective unconscious and appears in the depths of our own psyches, and through the creativity and work of individuals, it finds its embodiment in the endless images that they produce in the form of endless clothes, hairstyles, makeup.

These fashionable images can be analyzed in the following dimensions, where one dimension, like the Y-axis, takes us deeper, crumbling from the whole image to its particular details, showing us literally the atoms of signs and symbols that make up the fashion statement of the image. Another dimension, like the X-axis, leads this set of signs horizontally, like any speech along a chain of words, creating new meanings from statements that come together, woven from atoms of signs and symbols extracted from the previous dimension. At the junction of these two dimensions, the language of fashion is born, the language of the image, the speaking I-image.

This article highlights the topic of what functions fashion performs for the human psyche, how anxiety can be contained through image and fashion, how fashion performs the function of a transitional object for an adult, how fashion hides and reveals the psychic.

Keywords: fashion, fashion psychology, self-image, transitional space, transitional object, containment, individuation, intersensory, libidinal recharging, construction, deconstruction.